

«Расставанье наше мнимо...»

Примерно год назад промелькнуло: Сокуров снимает фильм о Чехове. Сценарий Юрия Арабова, не пришедший ко двору еще в 70-х, действительно назывался «Чехов. Последний год». Картина называется «Камень». Хроника жизни Чехова в последний ее год? Историко-биографический фильм? Разумеется, нет, и на вопрос — о чем он? — как всегда с сокуровскими работами, не найдешь сразу с ответом. Как и всегда, Сокуров говорит в нем о сущем с беззащитным бесстрашием, искренности и серьезности.

В сюжете нового фильма он прикасается к тому, к чему прикасаться, казалось бы, невозможно, сколь притягательно, столь и опасно. Ночной сторож чеховского Дома-музея в Ялте, молодой, вполне современный парень, приходит, как обычно, поздним вечером в дом на службу и застаёт в нем... хозяина. Парня играет Петр Александров, непрофессиональный актер из «Круга второго», но не только его присутствие, не только этот выбор режиссером исполнителя связывает, соединяет в восприятии и в размышлениях два эти фильма. Сделав сюжетом в «Круге втором» уход человека из жизни и осознание, ощущение этого события его сыном, в «Камене» Сокуров уже заглядывает за черту, туда, «откуда ни один не возвращался». В этом фильме — возвращается.

Сокуров экранизирует невозможное, облакает в плоть бесплотное. Он делает ткань искусства, материализует, преобразует в кинематографическую образность то, о чем есть лишь домыслы и вымыслы. То, что есть главная и великая тайна, что мучает каждого, что всегда с нами в подсознании, воображении, во сне...

И стилистика этого краткого черно-белого фильма рождена атмосферой сна. Приглушенные, незвучащие почти голоса, редкие слова — как гулкие капли, оброненные в тишине, как легкие выдыхания. Долгие паузы, необычные масштабы, странные, смещенные ракурсы. «Нездешняя» замедленная пластика, размытость, смутность изображения, сменяющаяся вдруг «прояснениями» — графической, брейгелевской четкостью кадров, словно выстроенных по мизансценам известных чеховских фотоснимков (оператор Александр Буров).

Фильм с тяжелым и плотным названием «Камень» — невесом, медлителен при всей своей временной краткости, почти беззвучен (даже музыка, всегда играющая столь важную роль в сокуровских фильмах, звучит лишь однажды). Фильм, воспроиз-

водя невозможное, деликатен, отстранен, он как бы вне реальности, вне бытия. Но за его внежизненной отстраненностью, «потусторонностью», ненавязчивой, ненадуманной — вдруг встреча, живое общение двух человеческих душ, общение-узнавание.

«Расставанье наше мнимо...» Кто терял близких, любимых, тому знакомо это детски ясное ощущение, когда встречаешь их во снах, — острое, чувственное ощущение абсолютной невозможности и вместе с тем абсолютной реальности, когда после счастья встречи еще ощутишь не-возвращение, не-обретение, не-обретение, потеря... И общение молодого героя с неожиданным ночным гостем — это простое человеческое общение без доли ужаса и смущения, без мистики и быта, опять же, как в наших снах, когда приходит ушедший, и хочется только одного — чтобы подольше, чтобы не оставлял.

Поразительный эффект присутствия Чехова в сюжете фильма, в каждом его кадре рожден не безукоризненным актерским портретным сходством, не актерством как таковым, хотя иной ракурс, силуэт, абрис этим сходством изумляет (не по-актерски деликатен здесь Леонид Мозговой из Петербурга). Эффект этот рожден абсолютно понятным и близким желанием, живым ощущением этого присутствия. Сокуров, обращаясь к сложнейшей и тончайшей материи, выстраивает все очень просто — на кристально-ясных, почти детских, вечных человеческих желаниях, мотивах — ожидании и смутной надежде на встречу с ушедшими. Не каждому ли знакомо, скажем, вот это: в доме, где до тебя когда-то жили люди, и теперь все так же, все на своих местах, только их — нет, и возникает вдруг чувство их присутствия или, по крайней мере, возможности, иллюзии этого присутствия? Ведь, по фильму, «разве можно поместить Человека в могилу, пускай даже огромную?»

...Человек в белом бродит ночью по пустому своему дому, расчерченному смутным светом и тенями, озвученному шумом прибоа, странными криками птиц да гудками парохода. Это душа вернулась сюда на миг и так радостно, так чутко ощущает, впитывает вновь жизнь — тепло огня в камине, свежесть чистой сорочки, вкус вина и скудной снеди, звуки фортепиано. Мотив возвращения в Дом, в былую жизнь — чеховский, из «Вишневого сада», и радостный, и приглушенный, горький. Человек, свернувшись, лежит на постели, а рядом бродит ручной журавль, долгоногий, удивленный (в чеховском ялтинском доме действительно жил такой), и человек разговаривает с ним неслышно и ласково, как с ребенком, и чем-то они так сходны. Не так ли и живой Чехов в последние свои годы в стильной, зимней Ялте не спал ночами, скучал, бродил, томился, ждал звонков, писем, тосковал по морозной Москве, по театрам, гостям, нарядной шумной публике? В семье Чеховых был фамильный перстень отца с надписью: «Одиному всюду пустыня». Это фильм еще и об одиночестве Чехова. Об одиночестве человека, не только в смерти — в жизни.

Андрей Белый писал о Чехове: у него так чувствуются «пролеты в Вечность», у него «сквозит» Вечность, и писал это как раз о последней чеховской, «ялтинской» пьесе, о «Вишневом саде». Человек, давно ушедший, вернулся на миг, на одну только ночь отсюда — к нам, в жизнь, свою былую и нашу, нынешнюю, и это живое, явное присутствие ушедшего не вызывает неловкости, раздражения. Нет фальши, придумки, как нет ничего натужно-мистического и тяжеловесно-многозначительного в этом фильме. Нет и философствования о Вечном — в нем лишь знобит, «сквозит» это Вечное, как сквозит, раздувая легкие шторы, ночной ветерок с моря в окна ялтинского чеховского дома...

P. S. Фильм «Камень», снятый с помощью Пермской международной киностудии, рождался трудно, картину закрывали (неудержимо росла стоймость съемок, приходилось по ходу их отказываться от задуманного), наконец, за время работы группа потеряла двоих товарищей (чудовищная случайность? мистика?) — их памяти посвящен фильм. «Камень» прошел в Москве, в ЦДРИ, впервые в программе «Школа Александра Сокурова», организованной Российской общедоступной киноакадемией во главе с Ириной Гращенковой, затем в Киноцентре. Потом фильм был показан в Белом зале Дома кинематографистов в программе «Особый взгляд». Зал был полон, было долгое обсуждение. Сокурова не было — он уже работает над следующей картиной.

Марина МУРЗИНА.

● Александр Сокуров.